

# ФРАНЦ БИРБАУМ – ГЛАВНЫЙ МАСТЕР ФИРМЫ ФАБЕРЖЕ. К 140-летию со дня рождения (1872-1947)

**СКУРЛОВ В.** Кандидат искусствоведения, Санкт-Петербург

Эта статья – о незаурядном человеке, который четверть века был непрерывно связан с фирмой Фаберже и созданием ее шедевров. Художник ювелирных украшений, миниаторист, художник по эмали, живописец, выдающийся геммолог и минералог, один из лучших знатоков драгоценных и поделочных камней...

*«...Я все же изгнанник в своем отечестве,  
бывают же такие».*

Из письма Ф.П. Бирбаума  
академику А.Е. Ферсману,  
Швейцария,  
22 февраля 1921 года

Что вынудило Франца Петровича Бирбаума сделать такое горькое признание? Какое отечество он считал своим? Россию или Швейцарию? Кто даст ответы на эти вопросы? Наверное, это вопросы из разряда тех, на которые нет ответа. Кто для тебя мать? Та, что родила, или та, которая вскормила, воспитала и помогала всю жизнь? Почему «в своем отечестве» швейцарец Бирбаум чувствовал себя изгнанником?

Его оторвали от родины, «матушки России», где он прожил счастливые 34 года, и бросили в изгнание... «Возвратили к месту прописки». Легко ли пережить такое 48-летнему человеку, главному мастеру и художнику крупнейшей и лучшей, по всеобщему признанию, ювелирной фирмы мира? Он не вернулся на родину, как его великий предшественник и земляк, придворный ювелир Екатерины Великой, Иеремия Позье, на «заслуженный отдых». Ему еще рано было отдыхать. Он был полон творческих планов. Очевидно, держал в уме идею очередного императорского пасхального сюрприза к Светлому Воскресению 1918 года. Увы! Этим идеям не суждено было воплотиться никогда.

Он стремился найти забвение на горных склонах Швейцарских Альп, но память упрямо возвращала его в Петроград, на Морскую улицу, в «дом Фаберже», как его называли все в столице. Иногда Франц Бирбаум вспоминал себя в



**Портрет Франца Петровича Бирбаума. Худ. А.И. Перевышко (Санкт-Петербург), 2000. 83 x 103. Коллекция Музея Фаберже (Баден-Баден)**

двухэтажном деревянном доме на Петроградской стороне, где снимал квартиру с русской женой Екатериной Яковлевной. Этот дом принадлежал мастеру-эмальеру фирмы Фаберже Александру Петрову. Здесь же, на Лодейнопольской, вместе с сыновьями Петрова – Николаем и Дмитрием – он продолжал опыты по изготовлению эмалей. Тех самых эмалей, которые принесли славу фирме Фаберже. Жена, которую он высмотрел еще в конце 1890-х гг. среди выпускниц Центрального училища барона Штигица, скончалась в голодном Петрограде 1 июля 1918 года.

1918 год. Мастерские фирмы уже не работали. Франц Петрович продавал на рынках броши собственного изготовления. Какой-нибудь обладатель подобной броши, купленной или, скорее, выменянной на продукты в 1918 году, и не подозревал, что ее исполнил

ювелир, через руки которого прошло большинство императорских пасхальных яиц. Подвернулась преподавательская работа на Петергофской гранильной фабрике (уже «бывшей Императорской»). Здесь Бирбаум встречался с Александром Евгеньевичем Ферсманом, которого знал и раньше как автора первой в России монографии по кристаллографии алмазов. Два великих знатока и любителя камня нашли друг друга. Долгими вечерами они беседовали о красоте и поэзии камня. Бывший советский читатель знает одного знатока камня – академика Ферсмана. Между тем последний, будучи человеком честным как в жизни, так и в науке, признавал превосходство Бирбаума в знании камней... Мы же о Франце Бирбауме не знаем почти ничего. Как же случилось такое? Не потому

ли, что он покинул Россию в мае 1920 года с последним пароходом швейцарских репатриантов? Но разве мог Бирбаум считаться эмигрантом, о котором нельзя было упоминать?

Историю жизни Франца Бирбаума можно разделить на три части. Первая – это 1872–1886 годы: Швейцария, обучение на ювелирном отделении Фрейбургского политехникума. Вторая – 1886–1920 годы: Россия, учеба в Рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств, фирма Фаберже с 1893-го по 1918 год, и последние два года – Петергоф. Этот период охватывает 34 года. И наконец, вновь Швейцария: 1920–1947 годы, 27 лет. Об этом периоде жизни известно только, что в 1925 году Франц Петрович развелся со своей второй женой, Евгений Петровной Илинской, и в том же году женился на швейцарской гражданке Гортензии-Маргарите Дюпертите. Вступив в феврале 1920 года в Петергофе в брак с Е.П. Илинской, вдовец Франц Петрович помог талантливой художнице фирмы Фаберже, дочери действительного статского советника, выпускнице и парижской пансионерке Училища барона Штиглица, покинув Россию, избежать репрессий.

Биограф Фаберже Г.Ч. Бэйнбридж сообщает, что в конце жизни Франц Петрович варил сыр. Наверное, это у него получалось прекрасно. Ведь, за что бы ни брался этот мастер, все у него выходило по высшему классу. Он не мог иначе. Такова школа Фаберже, таковы были строгие требования фирмы. Сам Карл Густавович, по свидетельству того же биографа, был знатным кулинаром и гастрономом. Ведь чувство композиции одинаково необходимо и художнику-ювелиру и хорошему повару. К сожалению, нам неизвестен сорт сыра «бирбаум», но все знают, что швейцарский сыр и швейцарский шоколад являются мировыми эталонами качества.

«Русский швейцарец» Франц Петрович Бирбаум умер в Эгле (Aigle), Швейцария, 14 октября 1947 года в возрасте 75 лет. Его учитель Карл Фаберже, прожив 74 года, умер в 1920 г.

Родился Франц Петрович Бирбаум 6 сентября 1872 года во Фрейбурге, небольшом швейцарском городке с населением около 10 тысяч человек. Фирма Фаберже в Петербурге на тот момент существовала уже 30 лет, именно в этом году ее руководителем стал 26-летний энергичный купец и золотых дел мастер Карл Фаберже.

Как познакомились Карл Густавович и молодой Франц? История об этом умалчивает. Можно предположить, что Карл Фаберже приходил в Рисовальную школу Общества поощрения художеств, чтобы выбрать помощников

для быстро разрастающегося дела. Ведь в 1887 году открылось новое отделение, главному ювелиру Хольмстрему было много за 60 лет, а здесь Фаберже нашел не только способного специалиста с политехническим образованием, но и прекрасного художника, ученика Ивана Шишкина. Такое сочетание бывает редко. Говоря сегодняшним языком, Франц Петрович выполнял в фирме обязанности главного инженера, оставаясь в то же время одним из первых художников. Причем он был «художником-композитором» (термин Бирбаума), художником, сочинявшим композиции вещей, иначе говоря, дизайнером, и художником-миниатюристом. Кроме того, он выполнял обязанности геммолога и главного технолога. Его доклады по эмалевому производству и технике литья характеризуют автора как зрелого технического специалиста. Но ведь Франц Петрович не заканчивал Горного института, Технологического института и Академии художеств вместе взятых. Как же он успевал разбираться в последних технических новинках, рисовать проекты изделий и писать серьезные статьи по проблемам развития ювелирного искусства?

Остается восхищаться многогранным дарованием Франца Петровича, отдавая дань интуиции, искусству Карла Фаберже в подборе себе помощников и единомышленников. Именно окружение таких талантливых людей создавало славу фирмы. Поистине это была одна «большая семья». Многие художники, работавшие у Карла Фаберже, стали впоследствии профессорами: Б.С. Фредман-Клюзель, Г.И. Малышев, К.Ф. Цейдлер, Л.Г. Стрих, А.К. Тимус. Академиками были или впоследствии стали: Р.Р. Бах, А.Н. Бенуа, Л.Н. Бенуа, Л.Х. Маршнер, А.Л. Обер, М.В. Рундацев, Ф. Грюнберг-Залкалнс, Г.К. Савицкий, Ф.П. Шехтель, К.К. Шмидт. Созвездие имен!

Сам Франц Петрович, наверное, никогда не задумывался, нужно ли ему звание академика или профессора. Предаваться тщеславным помыслам ему было некогда. Он работал во славу фирмы четверть века, с 21-летнего возраста уверенно чувствовал себя среди персон, облеченных званиями. Тот же Г.Ч. Бэйнбридж ставил Бирбаума «на первое место после Карла Фаберже; никто, кроме Фаберже, не выносил решающего суждения о форме и цвете изделий».

«Когда я думаю о нем, – продолжает Бэйнбридж, – я представляю себе довольно хрупкого человека среднего роста с усам и ван-дейковской бородкой, спокойного мягкого человека с тонким юмором, как бы сделанного по эскизу самого Фаберже».

Г.Ч. Бэйнбриджа поражала товарищеская атмосфера в коллективе, поражало, что все сотрудники обращаются друг к другу и к Карлу Густавовичу по имени-отчеству. Такое невозможно в английской фирме, говорил Бэйнбридж.

«Стоило посмотреть, – пишет Бэйнбридж, – как Бирбаум входил к Фаберже со своими эскизами. Он входил вовсе не в святая святых или в логово льва; в его приходе и во всем последующем поведении не было ничего от «сэра» и начальника».

«Франсуа Бирбаум, главный дизайнер, и те, кто работал с ним (Карлом Фаберже. – В.С.), отвечали за многое, но они непременно подавали проекты на рассмотрение главе Дома, и работа продолжалась до завершения окончательного эскиза с обсуждением деталей».

Из воспоминаний самого Франца Бирбаума и Бэйнбриджа можно сделать вывод о том, что Бирбаум был главным дизайнером, а также о тесном творческом сотрудничестве Бирбаума с Карлом Фаберже, который был для него учителем, другом и только в последнюю очередь – хозяином. Самыми теплыми словами рассказывает Франц Петрович в своих записках об учителе, приводя примеры галльского остроумия Карла Густавовича. Добрым словом вспоминает Бирбаум безвременно ушедшего из жизни младшего из братьев, Агафона Густавовича, талантливого художника.

Почти 15 лет Франц Петрович состоял казначеем Русского художественно-промышленного общества. Деятельность этого общества, объединявшего мастеров декоративно-прикладного искусства, в основном бывших штигличан, заключалась в повышении квалификации своих членов, организации конкурсов и выставок. Первым председателем Общества был архитектор И.А. Гальнбек, старший библиотекарь Училища Штиглица. В 1917 г. общество насчитывало 93 члена, в том числе 17 человек – сотрудники и художники фирмы Фаберже: Ф.П. Бирбаум, И.А. Гальнбек (первый председатель Общества), Ф.А. Грюнберг, М.В. Мусселиус, М.Д. Раков, Г.К. Савицкий, А.К. Тимус, К.Ф. Цейдлер, Г.Г. Эберг, Е.Э. Якобсон, Я.А. Армфельдт, Г.Э. Вигстрем, А.А. Хольмстрем, П.М. Кремлев, В.Г. Николаев, Н.А. Петров и Е.К. Фаберже (товарищ председателя). Общество с 1908 г. состояло под Высочайшим покровительством великого князя Георгия Михайловича, известного коллекционера-нумизмата, управляющего Русским музеем.

Русское художественно-промышленное общество устроило в 1912 году конкурс рисунков имени Придворного ювелира К. Фа-

берже, в честь его 40-летнего руководства фирмой и 70-летия со дня ее основания. Франц Петрович получил на этом конкурсе первую премию за рисунок наперсного креста. Хороший подарок сделал себе художник к 40-летию.

В архиве академика А.Е. Ферсмана находим характеристику, выданную Бирбауму в двухлетнюю годовщину Октябрьского переворота. Вот ее текст:

*«Франц Петрович Бирбаум прослушал курс во Фрейбургском политехникуме (Швейцария) и состоял в течение 26 лет главным руководителем художественно-ювелирных мастерских фирмы Фаберже. Самые крупные произведения этой фирмы были исполнены по рисункам Ф.П. Бирбаума, который неоднократно на конкурсах художественной промышленности получал высокие награды. В настоящее время состоит старшим мастером Петергофской гранильной фабрики и сотрудником Отдела драгоценных камней Комиссии производительных сил России при Академии наук.*

*Подлинное подписал А.Е. Ферсман. 7 ноября 1919 года».*

Характеристика за подписью Ферсмана требовалась для зачисления на новое место работы – заведующим отделом в Институте архитектурной технологии Академии материальной культуры. Заведующими другими отделами были избраны В.Ф. Левинсон-Лесинг (будущий академик), акад. А.Е. Ферсман, проф. М.В. Фармаковский, проф. Н.Н. Качалов (будущий академик). Таков был уровень квалификационных требований. С этого места работы Бирбаум выехал на родину, а 28 мая 1920 года акад. А.Е. Ферсман сообщил, что, «в связи с вытеснением Ф.П. Бирбаума на родину, следовало бы найти ему замену», и предложил «войти в переговоры с Агафоном Карловичем Фаберже и Александром Францевичем Котлером, крупными специалистами в вопросах ювелирной техники, обладающими научной подготовкой и большим практическим опытом». Ферсман не знал, что с 30 мая 1919 года по 9 сентября 1920 года Агафон Карлович Фаберже сидел в тюрьме ЧК.

Организуя в составе Института архитектурной технологии ювелирную и камнерезную мастерскую, Ф.П. Бирбаум прилагает героические усилия по спасению оборудования фабрики К.Ф. Верфеля и мастерских Фаберже. Однако станки с фабрики Верфеля уже были переданы Совнархозом на различные предприятия, а в мае 1920 года на заседании Совета академии Франц Бирбаум сообщает, что не удастся получить и оборудование мастерских



**Яйцо «Яблоневый цвет» для Кельх. Нефрит**

Фаберже – нет разрешения Совнархоза. Еще в сентябре 1919 года для руководства вновь создаваемой мастерской предполагалось пригласить мастера Нюкяна. Скорее всего – это мастер фирмы Фаберже Габриэль Нюкянен.

Осенью 1919 года Франц Петрович нелегально работает. В октябре под руководством Бирбаума и Илинской вновь открылась художественно-ремесленная школа при Петергофской гранильной фабрике. Кажется невероятным, но во время наступления Юденича на Петроград художники занимаются подготовкой кадров камнерезного искусства. В голодном Петрограде Франц Петрович читает популярную лекцию с эпидиаскопом на тему «Камень в искусстве», в которой излагает ряд программных идей. Обработку цветных и драгоценных камней Бирбаум рассматривает не только как средство создания материальных благ, но как отрасль, где кам-

ни становятся объектами художественного творчества, служат средством выявления художественных талантов людей и приобретают, таким образом, значение народного богатства. В свою очередь искусство является и производительной силой, двигающей разнообразные производства, тем самым способствующей народному благосостоянию.

Еще одну характеристику Бирбауму мы находим вновь у акад. А.Е. Ферсмана. Анализируя в 1919 г. состояние российского камнерезного производства, Ферсман указывает, что «наиболее нормальные условия наблюдались на наших крупных каменных фабриках, например, у Верфеля и, особенно в последние годы, у Фаберже, где благодаря талантливому и вдумчивому Бирбауму за последние 10 лет научились сочетать «несочетаемое» и создавать гармонию камня и кожи, камня и бронзы».

Сейчас сложно ответить на вопрос: как принял Бирбаум революцию. Его критическое отношение к высочайшему двору отражено в записках 1919 года. Там же мы видим его уважительное отношение к передовым представителям буржуазии, признающим в художнике творца. Два ведущих сотрудника фирмы, Пауль Бломериус и Константин Огваздин, входили в состав Адмиралтейского районного комитета партии конституционных демократов. В поддержке «кадетов» был замечен и известный киевский ювелир Иосиф Маршак, что, наверное, и помешало ему получить звание придворного поставщика. Очевидно, окружение ювелира Карла Фаберже устраивала британская модель монархии, поскольку ювелиры получали большие заказы от Кабинета его величества и царского двора. В мае 1916 года, в связи с преобразованием собственного предприятия Карла Фаберже в Товарищество (600 паев по 5000 руб. каждый), Франц Петрович становится его акционером (с паем в 5000 руб.) и членом правления. Торговля идет неплохо. Даже после Февральской революции магазин на Морской, 24 полон. Покупатели – революционные матросы с мешками денег, новоиспеченные богачи, нажившиеся на военных поставках, новые комиссары.

И вдруг все рухнуло. Октябрь 1917 года. Мог ли он быть доволен такой властью? Национализируются дома и дачи, а также крупные предприятия. Умирает жена. Бирбаум теряет стабильный доход, не успев воспользоваться преимуществами акционера. В мае 1919 года его арестовывают, держат в тюрьме 32 дня. Во время обыска в доме Фаберже среди прочих вещей изъяли коробку с драгоценными вещами Франца Петровича. 15 января 1918 года грянул знаменитый «Декрет о золоте», согласно которому гражданам запрещалось владеть более чем 16 золотниками (67 г) золотых изделий (одна треть веса золотого портсигара), а все производство переводилось на металл 36-й пробы. Более высокая проба запрещена. «Это катастрофа» – так отреагировали на это решение властей золотых дел мастера. В России не умели работать с металлом низкой пробы (соответствует 375 метрической), изделия корродировали, не было технологии литья, штамповки и припоя. Бирбаум находит в себе силы работать с недрагоценными металлами, эмалью по меди, с полудрагоценными камнями. Драгоценных камней в России нет с начала войны. Творческая активность Бирбаума переключается на общественную деятельность. В апреле 1918 года Франца Петровича избирают кан-

дидатом в члены исполкома Союза деятелей искусств, этакого прообраза министерства культуры, вопрос об учреждении которого ставился еще до революции. Вместе с ним в секцию «Прикладное искусство» вошли такие известные деятели, как А. Головин, М.П. Добужинский, Д.И. Иванов, В.С. Щербаков и В.В. Эмме.

О качественном составе других секций исполкома говорит само перечисление фамилий: композитор К.А. Глазунов, скульптор Л.В. Шервуд, художники Ю.Л. Анненков, И.И. Бродский, К.С. Петров-Водкин, писатели М. Горький, Л.Н. Андреев, Д. Мережковский, артист Ю.М. Юрьев, искусствоведы А.Н. Бонуа, граф В.П. Зубов.

Для Союза деятелей искусств Франц Петрович готовит доклад по проблемам развития художественной промышленности. Он вновь выступает в защиту прикладного искусства:

*«До самого последнего времени у нас было принято делить искусство на чистое и не чистое, то есть прикладное. Последнее считалось чем-то низшим. Нужно ли указывать, насколько подобный взгляд ошибочен. Художественность произведения зависит от вложенного в него элемента творчества, вне зависимости от материала, из которого оно исполнено, а в зависимости от того, как оно исполнено»* (подчеркнуто Бирбаумом. – **В.С.**).

*«Многие керамики, как старинные так и современные художественные произведения, и многие картины, украшающие гостиные, – произведения антихудожественные. Нужно признать равноправие прикладного искусства, принимать лучшие его произведения на художественных выставках. Одновременно необходимо привлечь к участию в художественных произведениях лучшие художественные и научно-технические силы».*

В декабре 1918 года, посетив по заданию Отдела художественной промышленности Петрогфскую гранильную фабрику, Бирбаум готовит свои предложения по восстановлению ее работы. В тот же период он подготовил докладную записку по вопросу объединения Детскосельских бронзолитейной, золото-серебряной, ювелирной и эмальероночной мастерских в одну «Мастерскую художественной обработки металлов» с приложением проекта Устава, проекта и смет мастерских. Мастерские намечалось открыть в Феодоровском городке Царского Села. Записка направлена в Подотдел художественной промышленности Отдела изобразительных искусств – знаменитый ИЗО. При подготовке этой записки Франц Петрович использовал свой дореволюционный органи-

заторский опыт, когда в составе комиссии из художников, фабрикантов и ремесленников разработал по заданию Русского художественно-промышленного общества проект Учебных мастерских для воинов-инвалидов. Так Бирбаум видел свою помощь фронту.

В начале 1918 года Франц Бирбаум пишет статью «Прикладное искусство и художественная промышленность» (впервые опубликована в книге «Фаберже и петербургские ювелиры», СПб., 1997):

*«Художественная промышленность России, которая всегда была в состоянии отсталости и прозябания, сейчас разрушена вихрем («политических» – зачеркнуто Бирбаумом. – **В.С.**) событий. Перед нами – задача ее воссоздания. При этом необходимо избегнуть те дефекты ее организации, которые явились причиной ее прозябания. Нужно ли указывать, что теперь, когда искусству суждено стать («достоянием народа» – зачеркнуто Бирбаумом. – **В.С.**) ближе народу, роль прикладного искусства как вернейшего проводника художественной культуры в массах приобретает особое значение. Изделия его проникают всюду и, смотря по своим качествам, вносят художественную культуру или приучают к внешнему безобразию».*

Примечательны слова, зачеркнутые Бирбаумом в рукописи. Как и многие члены Союза деятелей искусств, он отмежевывается от политики, зачеркнув слово «политический». Искусству, пишет он далее, суждено стать ближе народу (а не «достоянием народа»). Что получилось, когда предметы искусства стали «достоянием народа», Бирбаум мог убедиться сам: загородный дом Агафона Фаберже с его коллекционной обстановкой был полностью разграблен, вывезено все имущество и обстановка из дома Карла Фаберже на Морской улице, 24.

До революции общей тенденцией работы с камнем как предметом прикладного искусства было стремление не вносить камень в саму жизнь, а рассматривать его как предмет роскоши, убранств, как безделушку. С этой тенденцией боролся Фаберже и не безуспешно. Ф.П. Бирбаум в той же статье о художественной промышленности правильно отмечает, что «объектами художественной промышленности должны стать преимущественно предметы обихода и что искусство должно вносить элементы красоты в те предметы, которые мы постоянно видим и употребляем. [...] Но, несомненно, такой переход от области предметов роскоши к предметам обихода связан с массовым фабричным про-

изводством. Это тоже опасно. В немецкой камнерезной промышленности массовое производство убило индивидуальность творца, отдалило художника от изделия». Чтобы не впасть в эту крайность, Бирбаум предлагает ряд мер, интересно мотивируя их:

«Русская художественная промышленность находится в первой стадии своего развития, и в ней ремесленное производство еще преобладает над фабричным. С художественной точки зрения такое положение благоприятно, так как ручная работа всегда носит отпечаток индивидуальности мастера; массовое же фабричное производство лишено этого отпечатка, с художественной стороны весьма ценного.

С развитием фабричного производства, помимо общих мер поднятия культуры, необходимо снабжение фабрик образцами, выработанными первоклассными мастерами и государственными художественными мастерскими. Современные механические усовершенствования дают возможность воспроизводить модели с факсимильной точностью, и мы будем, следовательно, в состоянии снабжать рынок художественными репродукциями с первоклассных оригиналов».

Идеи Франца Бирбаума весьма актуальны, но история на тот момент не востребовала мыслителя и идеолога художественной промышленности. Уже находясь в Швейцарии, Бирбаум предлагал свои услуги в качестве представителя российских гранитных и фарфоровых фабрик, составляя планы по их развитию. Ответа от акад. Ферсмана он так и не получил.

Еще до революции 1917 года Франц Петрович неоднократно выступал на страницах журналов «Искусство и жизнь» и «Ювелир». Интересны суждения художника по поводу развития русского стиля:

*«Пора взглянуть более серьезно на задачи прикладного искусства. Если национальному стилю суждено возродиться, то, конечно, только в более культурных формах».*

Художник борется за функциональность предметов русского стиля: *«Когда создаются предметы, мы вправе требовать, чтобы они соответствовали нашим потребностям, а не одним только декоративным целям. [...] Стиль создается сочетанием двух факторов: национально-художественного творчества и культурных потребностей эпохи. Создается он не одним человеком, а целыми поколениями. Национальный стиль не выработается у нас, пока не будет художников, проникнутых русским художественным духом и современной культурой».*



**Ваза «Корзинка с ландышами». Подарок нижегородских купцов на коронацию 1896 г. императрице Александре Федоровне. Корзинка всегда стояла в гостиной императрицы**

Такие рассуждения позволяют понять специфику стиля Фаберже. По Бирбауму, это не стиль одной фирмы Фаберже, это стиль русской национальной ювелирной школы последней трети XIX – начала XX века. Этот стиль не создан одним человеком – Карлом Фаберже, он только дал ему свое имя. А сам стиль выработался в результате творчества ювелиров таких знаменитых российских фирм, как «Никольс и Плинке», «Сазиков», «Хлебников», «Овчинников», «Болин», «Морозов», «Братья Грачевы», «Курлюков», «Рюкерт», «Маршак», и других прекрасных мастеров и наиболее последовательно выражен в творчестве художников Дома Фаберже.

Даже краткое прикосновение к литературному наследию Франца Петровича пока-

зывает, насколько это незаурядная личность. Необходимо собрать все статьи Франца Петровича и издать их отдельной книгой. Мы надеемся, что читатели и исследователи найдут новые, неопубликованные литературные произведения главного мастера фирмы Фаберже.

Полное имя Бирбаума: Франц-Петер. У него, так же как у Петера-Карла Фаберже второе имя – Петер – означает «камень». Знаменательное совпадение! Мягкий и добрый человек в жизни, но камень в отстаивании эстетических принципов, которым он присягнул, вступая молодым человеком на службу в фирму Фаберже. Этот принцип можно определить как Добро и Красота.

Может быть, он был в чем-то наивен, надеясь, что красота спасет мир...